

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-177-188>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Д. В. Кротова

г. Москва, Россия

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ АКМЕИЗМА В ПОЭЗИИ В. ШАЛАМОВА

Аннотация: В статье рассматривается влияние акмеистических закономерностей на художественное сознание В. Шаламова-поэта. К изучению привлекается эпистолярное и мемуарное наследие Шаламова (письма к Н. Мандельштам, Н. Столяровой, очерк «Ахматова» и др.), где автор размышляет о значимости акмеистической литературной традиции, а также выдвигает собственное понимание акмеизма — не только как художественного направления, но и как своего рода «жизненного учения», мировоззренческой системы. Воздействие принципов акмеизма прослеживается в лирике Шаламова на разных уровнях. Задача настоящей статьи — выявить и систематизировать влияния названного художественного направления на творческое мышление поэта. Прежде всего речь идет об установке на «борьбу за этот мир» (по С. Городецкому): многогранном отражении акмеистами *явлений окружающей действительности в ее красках, формах и предметных деталях*. Шаламов наследует отмеченный принцип, объекты реальности играют в его поэтической системе первостепенно значимую роль и получают не менее отчетливое, емкое воплощение, чем в творчестве акмеистов. Подобная установка претворяется у Шаламова в контрастных ракурсах: с одной стороны, запечатление страшного мира, в котором человек едва-едва выживает и которому он всеми силами души стремится противостоять; с другой стороны, даже в тяжелейших условиях заключения поэт видел и ощущал гармонию и величие природы и стремился к точному, детализированному отображению ее реалий. Связь с художественным мышлением акмеистов у Шаламова выражается и в том, что его образы практически всегда *предметны и осязаемы* (отмеченная особенность очевидным образом раскрывается уже в первом стихотворении «Колымских тетрадей»). Как и в лирике акмеистов, у Шаламова *внутреннее зачастую преломляется через внешнее, душевные переживания — сквозь призму соответствий предметного плана* (принцип, который ярчайшим образом реализовался в поэзии А. Ахматовой). У Шаламова читатель не так часто находит «чистые» лирические монологи, значительно более типичная для него творческая тактика — характеризовать внутреннее состояние через цепь вещественных образов. Акмеистическая логика прослеживается у Шаламова в интерпретации целого ряда важнейших для поэта тем, и в их числе — *тема творчества* (характерные особенности ее трактовки показаны в статье на примере стихотворений «Ода ковриге хлеба», «Пусть по-топорному неровна...», «Нестройным арестантским шагом...»). В ста-

ть затронут такой значимый аспект (также связывающий поэта с художественной традицией акмеизма), как *телесность* образного мира. Наконец, важнейшая особенность акмеистического мышления, которую наследует Шаламов, — это очевидная *обращенность его творчества к собеседнику, направленность на читателя*. Формулируется вывод о том, что среди традиций, оказавших влияние на Шаламова-поэта, именно акмеистическая выступает одним из важнейших, наиболее существенных художественных и мировоззренческих ориентиров.

Ключевые слова: русская поэзия, Шаламов, акмеизм, телесность, диалог с читателем, тема творчества.

Информация об авторе: Дарья Владимировна Кротова — кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 53, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6804-1605>. E-mail: da-kro@yandex.ru

Дата поступления статьи: 23.03.2020

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования: Кротова Д. В. Преломление художественных традиций акмеизма в поэзии В. Шаламова // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 177–188. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-177-188>

Поэтическая генеалогия В. Т. Шаламова еще не вполне изучена, в частности, в литературоведении еще не проработан вопрос о влиянии акмеистических закономерностей на его творческое мышление. Как представляется, Шаламов многими и прочными нитями связан с акмеизмом. Не случайно в мемуарном и эпистолярном наследии писателя и поэта встречается так много суждений об акмеизме. В письме к Н. Я. Мандельштам от 29 июня 1965 г. Шаламов отмечает: «Я думаю, что судьба акмеизма есть тема особенная, важнейшая для любого исследователя — для прозаика, для мемуариста, для историка и литературоведа» [14, т. 6, с. 409]. В том же письме Шаламов подчеркивает, что акмеизм имел не только собственно художественное значение, это было не только поэтическое направление, но и целостная система взглядов на мир, своего рода идейное учение: «Доктрина, принципы акмеизма были такими верными и сильными, в них было угадано что-то такое важное для поэзии, что они дали силу на жизнь и на смерть, на героическую жизнь и на трагическую смерть» [14, т. 6, с. 409].

В. В. Есипов справедливо утверждает, что акмеизм воспринимался Шаламовым как «совершенно здоровое и земное течение» [5, с. 274]. По Шаламову, «акмеизм родился, пришел в жизнь в борьбе с символизмом, с загробщиной, с мистикой — за живую жизнь и земной мир <...>. Люди, которые писали эти стихи, оставались вполне земными в каждом своем движении, в каждом своем чувстве, несмотря на самые грозные, смертные испытания» [14, т. 6, с. 409]. В письме к Н. И. Столяровой от 1965 г. (точная дата неизвестна) Шаламов определил акмеизм как «земную веру» [14, т. 6, с. 377]. В то же время поэт не был склонен к восприятию акмеизма как универсального пути художественного обновления. В очерке «Ахматова» Шаламов, упоминая об акмеизме, назвал его «кузенькой тропой русской поэзии, где не удержались ни Ахматова, ни Мандельштам, ни Гумилев, ни Зенкевич, ни Нарбут» [14, т. 5, с. 198].

Наследование принципов акмеизма у Шаламова прослеживается на разных уровнях. Задача настоящей статьи — выявить и систематизировать влияния названного художественного направления на творческое мышление поэта.

Л. Г. Кихней, размышляя об акмеизме, выдвигает на первый план принцип «самоценности реальных явлений», «пафос реабилитации реальности» [7, с. 9; 7, с. 10]: в лирике акмеистов получают многообразное отражение явления окружающей действительности в ее красках, формах и предметных деталях. Как отмечал В. М. Жирмунский в своем исследовании, ставшем классическим, в акмеистической поэзии «открывается выход во внешнюю жизнь, она любит четкие очертания предметов внешнего мира» [6, с. 109]. Поэтическое творчество Шаламова согласуется (хотя порой и парадоксальным образом) с названной акмеистической установкой, а также с тем принципом, который С. М. Городецкий охарактеризовал как «борьба за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время» [2, с. 93]. В лирике Шаламова тоже отразилось стремление автора прежде всего запечатлеть «этот мир». Принципиально значимую роль в шаламовской поэтике играет отображение явлений действительности, и объекты реальности всегда получают у Шаламова не менее отчетливое, емкое воплощение, чем в лирике акмеистов. Но только упомянутая тенденция в творчестве Шаламова зачастую обретает специфический вектор — запечатление *страшного мира*, в котором человек едва-едва выживает и которому он всеми силами души стремится противостоять. Вместе с тем в лирике Шаламова, безусловно, находит отражение и земная красота. Удивительно, что поэт мог даже в тяжелейших условиях заключения видеть и ощущать гармонию и величие природы. Н. С. Гумилев некогда открыл в русской поэзии экзотические сферы, избразил неистовую и притягательную Африку и другие далекие земли, «первобытную сочность красок и чистоту звуков» [12, с. 38], воплощая тем самым названную акмеистическую установку — отражение земного мира во всем его богатстве. В творчестве Шаламова реализуется тот же принцип, но при этом поэт обращается к совершенно иным реалиям — Северу, его суровой природе, одновременно уничтожающей и спасающей человека. Как отмечал сам Шаламов, в его распоряжении «был безграничный выбор северного, таежного, вовсе не экзотического материала» [14, т. 3, с. 483].

Гумилев оказывался в чужеземных мирах как путешественник, Шаламов на Севере — как заключенный. Главной целью Гумилева было познание, главной целью Шаламова — выживание. Но даже при столь радикальном различии условий, в которых находились поэты, вектор исследовательского и художественного восприятия у них оказывается во многом сходным: акмеистическое стремление увидеть, запечатлеть, обрисовать этот мир точными и четкими штрихами. Так, в лирике Шаламова нашли детальное отражение разнообразные реалии Севера: деревья и кустарники («Сосны срубленные», «Корни даурской лиственницы», «Стланик», «Оттепель», «Смех в усах знакомой ели...»), горные массивы («Наверх», «Гора», «Гора бредет, согнувши спину...»), реки и ручьи («Лед», «Велики ручья утраты...»). Особую роль в поэзии Шаламова играют образы животных и птиц («Белка», «Баллада о лосенке», «Ястреб», «Гнездо» и др.). Закономерно вспоминаются знаменитые стихотворения Гумилева, в которых читатель встречает образы экзотических обитателей Африки, — «Жираф», «Носорог», «Гиена» и др. Безусловно, никто не стал бы сводить смысл гумилевских стихотворений к анималистическим картинам — все эти произведения несут в себе глубокое эмоциональное содержание. Но вместе с тем изобразительные задачи перед Гумилевым тоже, несомненно, стояли. Так же построены и стихотворения Шаламова, посвященные растительному и животному миру Колымы, — на сочетании яркого, острого изобразительного плана и сложного эмоционально-чувственного подтекста.

Акмеистическая направленность мышления Шаламова выражается и в том, что его образы практически всегда *предметны и осязаемы*. Это мир, который можно «уви-

деть», «услышать» и даже воспринять «тактильно». Названная особенность раскрывается уже в первом стихотворении цикла «Колымских тетрадей». Собственная поэзия осмысливается здесь Шаламовым сквозь призму весьма специфических метафор:

Пещерной пылью, синей плесенью
Мои испачканы стихи.
Они рождались в дни воскресные —
Немногословны и тихи.

Они, как звери, быстро выросли,
Крещенским снегом крещены
В морозной тьме, в болотной сырости.
И все же выжили они.

[14, т. 3, с. 7]

Много ли можно найти поэтов, у которых появился бы образ «пыльных», «испачканных плесенью» стихов? Кто еще воспринимал бы свои стихи в столь осязаемых образах, к тому же окрашенных в предельно приземленные и даже антиэстетические тона? Кто еще сравнил бы свои стихи со «зверьями»? Собственное поэтическое творчество мыслится Шаламовым не столько в духе лирического потока, сколько сквозь призму вполне конкретных, иногда даже «биологических» образов, что, безусловно, отсылает к традициям акмеизма.

Одно из стихотворений Шаламова можно даже воспринять как *своего рода акмеистический манифест*. Речь идет о стихотворении «Неосторожный юг...» из цикла «Синяя тетрадь»:

Неосторожный юг
Влезает нам в тетради
И солнцем, как уют,
Траву сырую гладит...

Свет птичьего пера,
Отмытого до блеска,
И дятла-столяра
Знакомая стамеска.

Проснувшихся стихов
И тополей неспящих,
Зеленых языков,
Шуршащих и дразнящих,

Мой законный мир,
Являйся на бумагу,
Ходи в тиши квартир
Своим звериным шагом.

[14, т. 3, с. 99]

В основе образного мира стихотворения лежит вполне «акмеистический» призыв — приказ «законному» миру «явиться на бумагу», отразиться в стихах. Мир буквально «влезает» в тетрадь поэта — и не случайно Шаламов использует именно этот глагол. Поэт даже не ищет впечатлений окружающего мира — они сами внедряются, буквально «лезут» в его стихи. Все стихотворение представляет собой цепь *зрительных*

и слуховых образов: согретая солнцем трава, «свет птичьего пера», «зеленые языки» тополиных листьев, стук дятла... Все это богатство красок и звуков мира входит в сознание поэта и выплескивается в стихотворных строках. Вновь, как и в первом стихотворении «Колымских тетрадей», здесь появляется «биологическая» метафора: в четвертой строфе возникает образ мира, идущего «звериным шагом». Сразу вспоминается известное утверждение Гумилева: «Как адамысты, мы немного лесные звери...» [3, с. 85]. Первозданный, естественный мир для поэта-акмеиста дороже, чем любые теоретические измышления. Шаламов вполне согласился бы с подобной идейной и художественной установкой.

Наследие акмеизма проявляется у Шаламова и в том, что *внутреннее зачастую преломляется в его поэзии через внешнее, душевные переживания — сквозь призму соответствий предметного плана*. У Шаламова читатель не столь часто находит «чистые» лирические монологи, где поэт изливал бы захлестывающую его эмоцию. Значительно более типичная для Шаламова творческая тактика — характеризовать внутреннее состояние через осязаемые, предметные образы. Подобный принцип в высшей степени присущ художественному мышлению А. А. Ахматовой. Как справедливо отмечает Л. Г. Кихней, в поэзии Ахматовой «вещные образы становятся семантически двуплановыми, двунаправленными. Они характеризуют, с одной стороны, объект, внешний мир, с другой — воспринимающее его лирическое сознание» [8]. Отсюда и свойственная Ахматовой «скрупулезная проработка деталей, особый эффект “стереоскопического” изображения мира — в звуках, запахах (палитра которых особенно разработана), цвете, пластических формах, фактуре материала» [8].

У Шаламова зачастую наблюдается действие сходных закономерностей. Например, в стихотворении, посвященном теме детства:

Я забыл погоду детства,
Теплый ветер, мягкий снег.
На земле, пожалуй, средства
Возвратить мне детство нет.

И осталось так немного
В бедной памяти моей —
Васильковые дороги
В красном солнце детских дней,

Запах ягоды-кислицы,
Можжевельных кустов
И душистых, как больница,
Подсыхающих цветов.

[14, т. 3, с. 15–16]

Образ детства воссоздается здесь именно благодаря точным деталям, осязаемым и зримым: запах цветов и ягоды-кислицы, кусты можжевельника, лучи закатного или рассветного солнца. Автор ничего не говорит в этом стихотворении собственно о своих детских переживаниях, эмоциях. Здесь даны лишь внешние «штрихи», и только благодаря им читатель получает представление о чувствах, которые испытывал поэт, будучи ребенком: восхищение красотой мира, которую он остро чувствовал в простом, незамысловатом русском пейзаже, тонкость переживания каждого мгновения жизни и каждого впечатления. Обращает на себя внимание необычность восприятий, зача-

стую свойственная детскому сознанию: например, аромат подсыхающих цветов сравнивается со специфическими и порой едкими больничными запахами.

Акмеистическая логика мышления прослеживается у Шаламова в интерпретации целого ряда важнейших для поэта тем, и в их числе — *тема творчества*. Шаламов осмысливает ее тоже зачастую сквозь призму осязаемых, вещественных образов. Так, например, в стихотворении «Ода ковриге хлеба» творческий процесс уподоблен выпечке хлебов. Рождение художественного образа и процесс замешивания теста оказываются в чем-то едва ли не идентичными (и не случайны поиски Шаламовым нужного слова в предпоследней строфе стихотворения — «на кухонном столе» или «на письменном столе»? В конце концов Шаламов остановился на том варианте, который соответствовал бы образной двойственности стихотворения: «И вот на радость неба, // На радость всей земле // Лежит коврига хлеба // На вымытом столе» [14, т. 6, с. 477–479]). Осмыслить даже тему творчества сквозь призму сугубо бытовых процессов, не чуждаться быта, «земных» и даже приземленных образов — это художественная логика, во многом воспринятая Шаламовым от акмеистов.

В стихотворении «Пусть по-топорному неровна...» из цикла «О песне» труд поэта уподоблен труду плотника, а стихотворные строки — бревнам:

Пусть по-топорному неровна
И не застругана строка,
Пусть неотесанные бревна
Лежат обвязкою стиха...

[14, т. 3, с. 235]

В стихотворении «Нестройным арестантским шагом...» тема творчества преломляется еще более «заземленными» гранями: строки стихотворения уподоблены заключенным, которые под надзором конвоя идут на ночлег. Вряд ли в чьих-либо еще стихотворениях, кроме шаламовских, движение творческой мысли сравнивалось бы с шагами арестанта. Шаламов демонстрирует здесь сугубо индивидуальную логику художественного мышления, но в то же время выступает наследником акмеистического сознания с его тяготением к предельной осязаемости образов.

Размышляя об акмеистических элементах в лирике Шаламова, нельзя не затронуть еще один важнейший аспект художественного мира поэта — телесность. В сознании акмеистов эта категория играет весьма значимую роль. Гумилев в статье «Наследие символизма и акмеизм» упоминает «мудрую физиологичность» Рабле [3, с. 86], слово «физиология» часто звучит у Мандельштама («...Notre Dame есть праздник физиологии <...> у нас есть более девственный, более дремучий лес — божественная физиология, бесконечная сложность нашего темного организма» [10, с. 465]). Телесное начало становится у поэтов-акмеистов значимым объектом художественного осмысления — например, в стихотворениях «Душа и тело» Гумилева, «Дано мне тело — что мне делать с ним...» Мандельштама. К «телесным» метафорам Мандельштам зачастую обращается при размышлениях о времени и эпохе («Кто время целовал в измученное темя...»), о странах и землях («Закутав рот, как влажную розу...»), даже о душе и ее посмертном бытии («Когда Психея-жизнь спускается к теням...»). По справедливому утверждению исследователя, «в поэтике Мандельштама — в соответствии с философскими установками акмеизма — категория телесности выступает как семиотический код бытия, культуры, поэтического произведения» [11, с. 108]. В лирике Ахматовой

образы тела, язык тела не менее важны, хотя преломляются зачастую в ином ракурсе: это, главным образом, значимость жестовых, мимических деталей, которые являются выразителями глубинных внутренних смыслов («Телесные образы <...> становятся экраном, на который проецируется потаенная жизнь души» [9, с. 306]).

В художественном мире Шаламова тело, телесный мир оказываются столь же значимы, как и у акмеистов. Правда, раскрываются подобные мотивы в лирике Шаламова иначе и нередко в остро драматическом ключе. Это объясняется в первую очередь жизненным опытом поэта: на протяжении многих лет его тело ежеминутно страдало, испытывало муки холода и голода. Тяжелые болезни — следствие жизни в заключении — не отпускали Шаламова до самой смерти. Поэтому телесный мир в поэзии Шаламова осмыслен по большей части сквозь призму боли.

Образ человеческого тела встречается в лирике Шаламова постоянно. Акмеисты размышляли о «мудрой физиологичности», гармонии телесного устройства, а Шаламов высказывает следующее шокирующее пожелание:

Я хотел бы так немного!
Я хотел бы быть обрубком,
Человеческим обрубком...

Отмороженные руки,
Отмороженные ноги...
Жить бы стало очень смело
Укороченное тело.

Я б собрал слюну во рту,
Я бы плюнул в красоту,
В омерзительную рожу.

На ее подобье Божье
Не молился б человек,
Помнящий лицо калек...

[14, т. 3, с. 189]

Образ измученного тела и измученной, истрадавшей души здесь слиты воедино. Что ценнее и достойнее — красота или изувеченное, изуродованное, ежеминутно страдающее тело? И где воистину открывается подобие Божье — во внешне красивом лице или в лице калеки-страдальца, в «человеческом обрубке»?

Важнейшая особенность акмеистического мышления, которую наследует Шаламов, — это очевидная *обращенность его творчества к собеседнику, направленность на читателя*. Как известно, подобная установка была для акмеизма весьма значима. Акмеисты противопоставляли себя символистскому художественному сознанию, полагая, что взгляд символистов обращен прежде всего «внутрь», к глубинам собственного душевного мира творца, тогда как акмеистические установки предполагали направленность творчества «вовне», к читателю. Программная для акмеизма работа — статья Мандельштама «О собеседнике», где обозначенный круг идей находит весьма полное и целостное выражение. «Бесконечно нудно буравить собственную душу» [10, с. 472], — размышляет Мандельштам о содержании поэтического творчества. Ключевая фигура для Мандельштама — именно собеседник, адресат. Мы «были бы вправе в ужасе отшатнуться от поэта, как от безумного, если бы слово его действительно

ни к кому не обращалось. Но это не так» [10, с. 467]. Рассуждая об адресате, Мандельштам имеет в виду не собеседника в бытовом понимании, не конкретную личность и даже не своего современника: «...обращение к конкретному собеседнику обескрыливает стих, лишает его воздуха, полета» [10, с. 470]. Поэт говорит о собеседнике «провиденциальном»: «...обменяться сигналами с Марсом — задача, достойная лирики» [10, с. 472].

Принципиальная направленность на читателя свойственна художественному сознанию каждого из поэтов-акмеистов. Гумилев, например, посвящает этой проблеме статью «Читатель», где утверждает: «Выражая себя в слове, поэт всегда обращается к кому-то, к какому-то слушателю. Часто этот слушатель он сам, и здесь мы имеем дело с естественным раздвоением личности. Иногда некий мистический собеседник, еще не явившийся друг, или возлюбленная, иногда это Бог, Природа, Народ...» [4, с. 61].

Для Ахматовой фигура собеседника не менее важна, чем для Гумилева или Мандельштама. Об этом свидетельствует целый ряд ахматовских стихотворений разных периодов творчества, особенно зрелого и позднего: «Многим» (1922), «Читатель» (1959), «И все пошли за мной, читатели мои...» (1958), «Выход книги» (1962) и др. Устойчивость интереса к проблеме читателя и размышления о ней на протяжении многих лет, вплоть до 1960-х гг., доказывают особую значимость для Ахматовой этой темы.

Ориентация на адресата, обращенность к читателю, столь ощутимая у акмеистов, очевидна и у Шаламова. Творчество Шаламова, как поэтическое, так и прозаическое, базируется на двух важнейших основаниях. С одной стороны, это необходимость высказаться, излить боль и пережитое горе. Шаламов признавался: «...я всегда говорю сам с собой, когда пишу. Кричу, угрожаю, плачу. И слез мне не остановить. Только после, кончая рассказ или часть рассказа, я утираю слезы» [13, с. 383]. С другой стороны, Шаламов стремился передать *читателю* то, что он пережил, донести до других людей трагический опыт жизни и выживания там, где, казалось бы, выжить невозможно. Обе грани для Шаламова важны, и одна не существует без другой. В ряде стихотворений Шаламов подчеркивает, что его слово обращено именно к собеседнику, к читателю, к адресату. Одним из наиболее репрезентативных в этом смысле является открывающее сборник «Златые горы» стихотворение «Лиловый мед»:

Упадет моя тоска,
Как шиповник спелый,
С тонкой веточки стиха,
Чуть заледенелой.

На хрустальный, жесткий снег
Брызнут капли сока,
Улыбнется человек,
Путник одинокий.

И, мешая грязный пот
С чистотой слезинки,
Осторожно соберет
Крашенные льдинки.

Он сосет лиловый мед
Этой терпкой сласти,
И кривит иссохший рот
Судорога счастья.

[14, т. 3, с. 143]

Цель, назначение творчества — рассказать о пережитом, преломив испытанную тоску в стихи. Поэтические строки подарят радость другому человеку — тому, кто тоже боролся и преодолевал. В творческом сознании Шаламова зачастую присутствует именно собеседник-друг, тот, кому нужны и дороги слова поэта.

Итак, в лирике Шаламова нашли отражение важнейшие принципы акмеистического художественного мышления. Автор «Колымских тетрадей» сам подчеркивал значимость эстетики акмеизма для своего творческого формирования, и анализ его наследия очевидным образом доказывает справедливость этого утверждения. Размышляя о поэтической генеалогии Шаламова, следует иметь в виду ее разветвленность и обширность — ее «корни» связаны, безусловно, не только с акмеизмом, но и с целым рядом других явлений литературы рубежа XIX–XX вв. и первых десятилетий XX в. Спектр литературных, а также социокультурных факторов, оказавших влияние на формирование Шаламова, довольно широк. Как отмечала Е. В. Волкова, «в его поэзии парадоксальное сращение следов романтического мировосприятия XIX века и абсурдизма XX века, взыскуемой и обретаемой гармонии с бытием и кровавого безумия, создающего ад на земле для человека и природы» [1, с. 132]. Последовательное изучение идейных, общественных и культурных импульсов, воздействовавших на мышление Шаламова, — задача дальнейших исследований. Среди же собственно поэтических традиций именно акмеистическая выступает для Шаламова одним из важнейших, принципиально значимых художественных и мировоззренческих ориентиров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Волкова Е. В. «Лиловый мед» Варлама Шаламова (поэтический дневник «Колымских тетрадей») // Человек. 1997. № 1. С. 130–149.
- 2 Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика. Хрестоматия / сост. А. Г. Соколов. М.: Высшая школа, 1988. С. 90–96.
- 3 Гумилев Н. Наследие символизма и акмеизм // Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика. Хрестоматия / сост. А. Г. Соколов. М.: Высшая школа, 1988. С. 83–87.
- 4 Гумилев Н. С. Читатель // Н. С. Гумилев Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. С. 59–64.
- 5 Есипов В. В. Шаламов. М.: Молодая гвардия, 2012. 346 с.
- 6 Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 106–133.
- 7 Кихней Л. Г. Акмеизм как течение // История русской литературы Серебряного века (1890-е – начало 1920-х годов). М.: Юрайт, 2017. Ч. 3: Акмеизм, футуризм и другие. 224 с.
- 8 Кихней Л. Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла // Ahmatova.niv.ru. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kihnej-tajny-remesla/kartina-mira-i-obraz-perezhivaniya.htm> (дата обращения: 05.01.2020).
- 9 Кихней Л. Г., Полтаробатько Е. Д. Телесный код в ранней лирике А. Ахматовой // Кихней Л. Г. Под знаком акмеизма: Избранные статьи. М.: Азбуковник, 2017. 608 с.

- 10 *Мандельштам О.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2016. 688 с.
- 11 *Полтаробатько Е.* К мифологии тела в лирике Мандельштама // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 2. С. 108–109.
- 12 *Уде Ф. Х.* Способы отражения образов Африки в произведениях Н. С. Гумилева // Известия ВГСПУ. № 2 (20). 2007. С. 37–40.
- 13 *Шаламов В. Т.* <О моей прозе> // *Шаламов В. Т.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., Вагриус, 1998. Т. 4. С. 371–386.
- 14 *Шаламов В. Т.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 3. 512 с. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 5. 384 с. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 6. 608 с.

© 2021. **Daria V. Krotova**
Moscow, Russia

INTERPRETATION OF ACMEISTIC TRADITIONS IN V. SHALAMOV'S POETRY

Abstract: The paper examines the influence of acmeistic patterns on V. Shalamov-poet's artistic consciousness. The study involves Shalamov's epistolary and memoirs heritage (letters to N. Mandelstam, N. Stolyarova, essay "Akhmatova," etc.), where the author reflected on the significance of acmeistic literary tradition, as well as put forward his own understanding of acmeism — not only as an artistic direction, but also as a kind of "life teaching," a worldview system. One may trace the inheritance of acmeistic principles in Shalamov's work at different levels. The paper seeks to identify and systematize acmeistic influences in poet's consciousness. First of all, we are talking about the installation on the "fight for this world" (according to S. Gorodetsky): the multifaceted representation of the phenomena of environmental reality in its colors, forms and subject details. Shalamov inherits this principle, so that the objects of reality play a paramount role in his poetry system and receive no less distinct and large embodiment than in the work of acmeists. Such an arrangement is carried out by Shalamov in contrasting aspects: on the one hand, the imprinting of terrible world in which man barely survives and to which he seeks to resist; on the other hand, even in the most adverse circumstances of imprisonment, the poet saw and felt the harmony and greatness of nature. The connection with the acmeistic thinking in Shalamov's works is also expressed in the fact that his images are almost always substantive and tangible (this feature manifested itself as early as in the first poem of "Kolyma notebooks"). As in the lyrics of acmeists, he often refracted the inner world through external, spiritual experiences — through the prism of the subject plan (the principle that was realized brightly in the lyrics of A. Akhmatova). It is not often that the reader finds "pure" lyrical monologues, much more typical for Shalamov's creative tactics — to characterize the internal state through a chain of real images. Acmeistic logic could be traced in the interpretation of a number of important topics, among which the theme of creativity (characteristic features of its interpretation are shown in the article on the example of poems "Ode to Loaf," "May it be clumsily uneven..." "By ungainly prisoner step..."). The paper addresses such a significant aspect (also linking the poet to the

acmeistic tradition) as a bodily nature of the figurative world. Finally, important feature of acmeistic thinking, which is inherited by Shalamov, is the obvious appeal of his creativity to the interlocutor, the focus on the reader (this feature is immanent, certainly, not only in the consciousness of akmeists, but it has fundamental significance in their creativity). The study concludes that among the traditions influenced Shalamov-poet, the acmeist becomes one of the most important, most significant artistic and worldview guidelines.

Keywords: Russian poetry, Shalamov, acmeist, corporeality, dialogue with reader, theme of creativity.

Information about the author: Daria V. Krotova — PhD in Philology, Associate Professor of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, p. 53, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6804-1605>. E-mail: da-kro@yandex.ru

Received: March 23, 2020

Date of publication: September 28, 2021

For citation: Krotova D. V. Interpretation of acmeistic traditions in V. Shalamov's poetry. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 61, pp. 177–188. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-177-188>

REFERENCES

- 1 Volkova E. V. "Lilovyi med" Varlama Shalamova (poeticheskii dnevnik "Kolymskikh tetraidei") [Varlam Shalamov's "Violet Honey" (poetry diary of "Kolyma Notebooks")]. *Chelovek*, 1997, no 1, pp. 130–149. (In Russian)
- 2 Gorodetskii S. Nekotorye techeniia v sovremennoi russkoi poezii [Some tendencies in contemporary Russian poetry]. In: *Poeticheskie techeniia v russkoi literature kontsa XIX – nachala XX veka: Literaturnye manifesty i khudozhestvennaia praktika. Khrestomatiia* [Poetic trends in Russian literature of the late 19th – early 20th century: Literary manifestos and artistic practice. Textbook], collected by A. G. Sokolov. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1988, pp. 90–96. (In Russian)
- 3 Gumilev N. Nasledie simvolizma i akmeizm [Legacy of symbolism and acmeism]. In: *Poeticheskie techeniia v russkoi literature kontsa XIX – nachala XX veka: Literaturnye manifesty i khudozhestvennaia praktika. Khrestomatiia* [Poetic trends in Russian literature of the late 19th – early 20th century: Literary manifestos and artistic practice. Textbook], collected by A. G. Sokolov. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1988, pp. 83–87. (In Russian)
- 4 Gumilev N. S. Chitatel' [Reader]. In: Gumilev N. S. *Pis'ma o russkoi poezii* [Letters about Russian poetry]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, pp. 59–64. (In Russian)
- 5 Esipov V. V. *Shalamov* [Shalamov]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2012. 346 p. (In Russian)
- 6 Zhirmunskii V. M. Preodolevshie simvolizm [Overcoming the symbolism]. In: Zhirmunskii V. M. *Teoriia literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 106–133. (In Russian)
- 7 Kikhnei L. G. Akmeizm kak techenie [Akmeism as a school]. In: *Istoriia russkoi literatury Serebriannogo veka (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [The History of Russian Literature of the Silver Age (1890s – early 1920s)]. Moscow, Iurait Publ., 2017. Part 3: Akmeizm, futurizm i drugie [Acmeism, Futurism and others]. 224 p. (In Russian)

- 8 Kikhnei L. G. Poeziia Anny Akhmatovoi. Tainy remesla [Anna Akhmatova's poetry. Mysteries of craft]. In: *Ahmatova.niv.ru*. Available at: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kihnej-tajny-remesla/kartina-mira-i-obraz-perezhivaniya.htm> (accessed 05 January 2020). (In Russian)
- 9 Kikhnei L. G., Poltarobat'ko E. D. Telesnyi kod v rannei lirike A. Akhmatovoi [Body code in Akhmatova's early lyrics]. In: Kikhnei L. G. *Pod znakom akmeizma: Izbrannye stat'i* [Under the sign of Acmeism: Selected articles]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 608 p. (In Russian)
- 10 Mandel'shtam O. *Maloe sobranie sochinenii* [Small collected works]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 688 p. (In Russian)
- 11 Poltarobat'ko E. K mifologii tela v lirike Mandel'shtama [On body mythology in Mandelstam's lyrics]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 2009, no 2, pp. 108–109. (In Russian)
- 12 Ude F. Kh. Sposoby otrazheniia obrazov Afriki v proizvedeniakh N. S. Gumileva [Ways to reflect Africa's images in N. Gumilev's works]. *Izvestiia VGSPU*, no 2 (20), 2007, pp. 37–40. (In Russian)
- 13 Shalamov V. T. <O moei proze> [<About my prose>]. In: Shalamov V. T. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., Vagrius Publ., 1998, vol. 4, pp. 371–386. (In Russian)
- 14 Shalamov V. T. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek Publ., 2013. Vol. 3. 512 p. Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek Publ., 2013. Vol. 5. 384 p. Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek Publ., 2013. Vol. 6. 608 p. (In Russian)